

Н. М. ДЫЛЕВСКИЙ

«Ночь стонуши ему грозою птичь убуди» в «Слове о полку Игореве»

Возникновение настоящей статьи вызвано появлением в последние десятилетия высказываний по поводу выражения «Ночь стонуши ему грозою птичь убуди» в тексте «Слова о полку Игореве», обойденного более пристальным вниманием большинства исследователей истекающего столетия. Разбор его начнем с отдельных слов фразы, подытожив сказанное в конце статьи.

Начальное его слово *нощь* ~ *ночь* в обычном понимании части суток встречается и в других выражениях «Слова»: «Дльго *ночь* мркнетъ» (10); «Си *ночь* съ вечера одѣвахуть мя, — рече, — чрьною паполомою» (23); «Всю *нощь* съ вечера босуви врани възграяху у Пльснеска на болони» (23); «...а самъ въ *ночь* влькомъ рыскаше» (36).¹

В противоположность общепринятому пониманию слова *нощь* в разбираемой фразе о его значении обмолвился двумя словами: «Ночь — затмение» — зарубежный исследователь «Слова» С. Плаутин.² Такое же толкование этого слова в данном выражении находим и у Ф. Головенченко, сказавшего: «Здесь речь идет о темноте, наступившей после солнечного затмения», сопровождаемого громом, разбудившим птиц и встревожившим зверей.³

Более мотивированно, с привлечением общеславянского материала слово *нощь* в нашем контексте рассмотрено в статье Э. Я. Гребневой.⁴ В ее понимании переполошила птиц не *гроза*, а *ночь* — «темнота, мрак от померкшего от затмения солнца». Выводя этимологию слова *ночь* из эпохи индоевропейской и общеславянской общности и ссылаясь на вторичное значение *мрак*, *темнота* в латинском пох, Э. Я. Гребнева находит его далекое отражение в диалектном примере, приведенном В. Далем: «*Ночь* — тьма, потемки, темь, темень, мрак. — В чулане *ночь*, без свечи не видать. В нашем лесу *ночь-ночью*».⁵ «При таком понимании

¹ Цифры в скобках обозначают страницы первого издания «Слова».

² Плаутин С. Н. Слово о полку Игореве: Исправленный и не исправленный тексты. Перевод и примечания. Париж, 1958. С. 36.

³ Головенченко Ф. М. «Слово о полку Игореве»: Библиографический очерк; Перевод; Пояснения к тексту и переводу. М., 1963. С. 276—277. (Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. № 198).

⁴ Гребнева Э. Я. К прочтению темных мест «Слова о полку Игореве». 1. (Гроза и ночь в «Слове...») // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 118.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1954. Т. 2. С. 557.

слова *ночь* становится ясно, — заключает Гребнева, — что речь идет не о темном времени суток, а о затмении солнца, когда ночь (темнота, темень) наступает среди дня».⁶

Однако существование единичных случаев значения слова *ночь* = *тьма, мрак* в русских диалектах еще не доказательство наличия этого значения в тексте «Слова о полку Игореве». Не отрицая, за отсутствием достаточных данных, возможной древности бытования этого значения слова *ночь* в русских говорах, нельзя пройти и мимо того, что нам неизвестны территориальность и мера распространения этого значения в них. Неизвестно также, было ли оно свойственно диалекту региона наречия автора «Слова». Следовательно, строить прочные доказательства о значении слова *ночь* в выражении «Слова» на основе двух пока единичных диалектных современных примеров едва ли обоснованно.

Обратимся к более убедительным доказательствам смыслового содержания существительного *ночь* ~ *нощъ* в словосочетании «нощъ стонущи... грозою» в «Слове». Таковые дают о себе знать прежде всего в самом тексте «Слова», в его выражениях, приведенных выше.

В первом из них: «Дльго *нощъ* мркнетъ» (10) астрономическое, буквальное значение слова *нощъ* — часть суток — не вызывает ни малейшего сомнения: *мрак* (тьма) не меркнет! Меркнет *нощъ* — часть суток. Во втором и третьем выражениях (23) указательное местоимение *си* определяет и ограничивает рамки суточного движения (ср. «сы *ночи* князя поял Богъ» — Ипатьевская летопись, 1252 г.). А определительное местоимение *всю* вмещает протекающие действия в пределы части суток — *ночи*, а не *мрака* или *тьмы*. В границах суточного времени, а не во *тьме* или *мраке*, протекает действие и в последнем выражении — «въ *нощъ* влькомъ рыскаше» (36), ср. обычное в памятниках древней русской письменности словосочетание *въ ночь*. Временное значение слова *нощъ* в этой фразе находит подтверждение в следующих за ним словах: «изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя» — доскакивал в часы *ночи*, а не *мрака*. При таком значении слова *нощъ* ~ *нощъ* в тексте «Слова» возникает естественный вопрос: каковы основания приписывать слову *нощъ* в разбираемой фразе значение *тьма, мрак* и видеть в словосочетании «нощъ стонущи... грозою» «темное место»?

В Успенском сборнике XII—XIII вв., отдаленном от «Слова» столетием, среди 138 случаев употребления слова *нощъ* ~ *нощъ* в различных контекстах и падежах не обнаружилось ни одного несомненного примера со словом *нощъ* = *тьма, мрак*. Но в противоположность этому для языка Сборника весьма типично противопоставление слова *нощъ* ~ *нощъ* слову *тьма*: «и се въ едину *нощъ* тьмѣ соуши велицѣ» (46 в, 23, 24); «нарече свѣтъ днь, а *тьму* *нощъ*» (71 а, 19, 20); «въ днье облакъмъ свѣтъльмъ, а въ *нощи* стьльмъ огньнъмъ» (103 б, 16—18). В выражении: «да видиши *полоудье* свѣтъ моучимъ, и *нощъ* съльнице покрывающю» (232 в, 17—20)⁷ значение слова *нощъ* = *тьма, мрак* — сомнительно, так как слово *нощъ* противопоставляется в нем слову *полоудье* — части дня.

⁶ Гребнева Э. Я. К прочтению темных мест «Слова о полку Игореве». С. 119.

⁷ Именно эту цитату из Успенского сборника приводят как иллюстрацию к значению «тьма, мрак» составители «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (М., 1986. Вып. 11. С. 436). Здесь и далее Успенский сборник цитируется по изданию: Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. В тексте указываются листы и строки рукописи.

Наблюдения над употреблением слова *ночь* в Успенском сборнике приведены и в статье Цв. Янакиевой.⁸

К выводу о неупотребительности рассматриваемой лексемы в значениях *тьма*, *мрак* приводят и наши специально осуществленные разыскания на материале Изборника 1076 г., сочинений Кирилла Туровского, Ипатьевской летописи, «Задонщины» и других произведений древнерусской литературы.

Но наиболее убедительными для решения вопроса оказываются фактические свидетельства, содержащиеся в тексте «Слова», в самом выражении «*Ночь* стонуши ему грозою...» и в предшествующем ему контексте: «Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю», в описании последующих событий, чередующихся с продвижением Игоревых дружин в Поле половецкое. Солнце, заступившее *тьмою* путь князю Игорю и его войнам, — помраченное затмением дневное светило, вслед за которым они были застигнуты в своем движении бурной грозой ночью. Оба эпизода — два отдельных последовательных момента Игорева похода. Совмещение во времени двух событий — солнечного затмения и разразившейся грозы, по толкованию скептиков-текстологов, не исключено, но уникально и маловероятно. Надо учесть и то, что его уникальность не могла не запечатлеться в памяти участников похода и посредством их должна была, как казалось бы, отразиться в летописном рассказе о походе Игоря. Однако в обоих рассказах — в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях — отмечено лишь затмение, «виденное человеками въ очю», и то, что «морочно бысть велми» (в Лаврентьевской), без упоминания о сверкании молний, чего не случилось бы при наличии временного совпадения солнечного затмения и грозовой бури.

Неопровержимо и то, что при замене значения слова *ночь* значением *тьма* была бы утрачена персонификация *ночи*, обычная для нее и не приписываемая слову *тьма*.

Самое главное, однако, то, что воображаемый некоторыми комментаторами *мрак* — несуразность, полностью отметающая предлагаемую ими семантическую замену: *ночь* = *мрак*. Они не учли того, что *мрак* от затмения солнца (происшедшего по точным астрономическим вычислениям в часы пополудни 1 мая 1185 г.) не мог *разбудить* (!) птиц по той простой причине, что в дневную пору затмения и причиненного им мрака, по мнению скептиков-комментаторов, птицы не *спали* (!) и не могли быть *пробуждены*.⁹ Птицы были разбужены не *мраком* солнечного затмения или персонифицированной *ночи*, а, как ясно сказано в «Слове», — *стонушею ночной грозою*, раздирающей сверканием молний поднебесье и сотрясающей землю громовыми раскатами! В обеих версиях *мрак* не мог пробудить птиц. При предложенной мною интерпретации фраза «*Ночь* стонуши ему грозою...» раскрывает свой единственно возможный смысл, опровергающий пришедшие извне и *ad hoc* соображения и переводы.

Возвращаясь к сказанному и подытоживая его, мы убеждаемся во взаимном уравнивании свидетельств языка «Слова» и фактических данных и логических суждений, отметающих безусловно возможность совмещения в одном эпизоде и едином временном плане двух различных по протеканию сцен — *солнечного затмения* и *ночной грозы*. Хочется думать, что

⁸ Янакиева Цв. Лексмата «ночь» в текста на Успенския сборник // Епископ-Константинови чтения. Май 1995 г. Шумен, 1996. С. 194—199.

⁹ Сказанное вскользь С. Н. Плаутиным, что автор «Слова» здесь имел в виду «дневных птиц» (Плаутин С. Н. Слово о полку Игореве. С. 36), — полнейшая натяжка, не имеющая под собой почвы.

говорящие за себя факты и соображения пресекут пути дальнейшего мудрования исследователей «Слова», подходящих к его тексту со своим мерилом. Факты и логика в тесном содружестве — *vis atrox*. Страшная сила!

Весьма разнообразной в современных переводах оказалась и замена слова *стонуци*, представленная в нижеследующем перечне:

«Ночь, *стонуци* ему грозю» — Головенченко, Мещерский; «ночь, *стонуци* ему грозю» — Лихачев, Шторм; *стонуци* — Шервинский, Гудзий, Якобсон; *стоная* — Степанов; *стеная* — Новиков; *стона* — Орлов; *стена* — Шамбинаго; «Ночь ему грозю *стонет*» — Бальмонт; «ночь *стонет* грозю» — Тимофеев; *стонала* — Стеллецкий, Рыбаков, Чернов, Косоруков; *застонала* — Шервинский, Ботвинник, Бирукова; *застонав* — Басов-Верхолянцев; «Ночь *стонами* грозы птиц пробудила» — Дмитриев, Лихачев, Творогов; «ночь *громовыми стонами*» — Шкляревский.

Даже поверхностное ознакомление с предложенными словарными заместителями древнерусского *стонуци* обнаруживает в подавляющем их большинстве лексико-грамматическую необоснованность и несоответствие словоформе подлинника. Прочтение слова *стонуци* в разбираемой фразе текста Игорева поэмы нуждается в пересмотре, опирающемся на грамматические нормы древнерусского языка применительно к его современным.

Стонуци — краткая форма причастия настоящего времени женского рода, упомыная и определенная так С. П. Обнорским в описании языка «Слова о полку Игорева». ¹⁰ Эта морфологическая квалификация словоформы *стонуци* обуславливает в преобладающей степени в современном русском языковом аспекте выбор ее заместителя, каковым является форма причастия женского рода настоящего времени *стонущая*.

При такой грамматической интерпретации древнерусское *стонуци* в словосочетании *нощь стонуци* из фразы в тексте «Слова» в переводе на современный русский язык должно быть заменено словосочетанием *ночь, стонущая*...

Однако сказанное С. П. Обнорским позднее в «Очерках по морфологии русского глагола» ¹¹ о значительной древности процесса превращения причастия в «застывшую, адвербиализовавшуюся» форму в восточнославянском языке дает основания видеть в словоформе *стонуци* в «Слове» «оглаголившееся» причастие. Подтверждением раннего начала процесса адвербиализации причастия в языке восточных славян может служить язык «Русской Правды» — древнейшего самобытного памятника русского права и восточнославянского языка, вовсе не незнающего употребления причастий как таковых. ¹² «Порчу» в области причастий в «Слове» отмечает и Г. О. Винокур, ¹³ в котором он усматривает начало перерождения старых причастий в деепричастия. Эти перекликающиеся констатации двух крупных историков русского языка оправдывают сохранение словоформы *стонуци* в современных русских переводах фразы «нощь *стонуци*... грозю». Остается лишь сделать окончательный выбор огласовки лексемы в переводном тексте, на мой взгляд, — с кирилло-мефодиевским древнеболгарским *щ* как более древней и книжной.

¹⁰ Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 162.

¹¹ Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М.; Л., 1953. С. 213.

¹² Там же.

¹³ Винокур Г. О. К вопросу о языке «Слова о полку Игорева» // «Слово о полку Игорева»: Комплексные исследования. М., 1988. С. 98.

Не могут быть обойдены вниманием и менее приближенные к подлиннику, по-моему, словарные эквиваленты — деепричастия: *стоная, стеная, стоня, стена*, более близкие русской лексике современности.

Корневой гласный деепричастий *стоная* и *стоня* сближает эти словоформы с подлинником *стонуци* с корнем со степенью *о*. Однако лексема *стоная* лишена книжности, а *стоня* — малоупотребительна. *Стеная* — более книжное, но с корневым гласным, разнящимся от гласного *о* словоформы оригинала *стонуци*. Спрашивается: чем следует пренебречь в выборе словарного заместителя в данном случае — его формой или стилевой принадлежностью?

Деепричастные словарные варианты *гремя (завывая)* и *застонав* оказываются неподходящими — первый по своей семантике, а второй — по грамматической принадлежности, будучи деепричастием совершенного вида.

В итоге оценочного пересмотра словарных заместителей *стонуци* «Слова» в современных переложениях наиболее обоснованным оказывается деепричастие *стонуци*, за которым в убывающей приемлемости чередуются словоформы *стонуцая* и *стеная, стоная*, подкрепленные грамматическими и лексическими показателями.

Исследователям «Слова», неосновательно сомневающимся в уместности выражения «стонуци грозою», кажущегося «слишком вычурным», следует напомнить о бытовании подобного словосочетания в языке других памятников древнерусской письменности. «*Стонала земля, вси слышаша*» (Переяславская летопись, 1091 г.); «*И в то время, братья, земля стонеть вельми, грозу велику подаваше*» (Сказание о Мамаевом побоище. Основная ред.); «*Уже гроза есть велика, земля стонет*» (Забелинский список) и т. п. *Стонуцая страна* — образ, знакомый литературе XII в.¹⁴

На очереди анализ слова *гроза*, сохраненного в переводах и переложениях «Слова», раскрытие смысла которого более осложнено.

Древнерусское слово *гроза* — общеславянского происхождения, принадлежащее праславянскому словарному фонду, с первичным значением *угроза, ужас, страх, трепет* и т. п.

В тексте «Слова» *гроза* с неодинаковым значением кроме нашего выражения встречается во фразах: «*вльци грозу всрожать по яругамъ*» (9); «*лжу убудиста, которую то баше успиль отец ихъ Святъславъ грозныи великыи Кіевскыи грозою*» (21); «*Грозы твоя по землямъ текутъ*» (30).

В древнерусской лексике слово *гроза* имело значения: угрожающая, приводящая в трепет сила, устрашающее превосходство; угроза, страшная кара, наказание, страх, ужас, гнев, строгость; буря с громом и молнией — в более поздних памятниках. К значению «буря с грозою и молнией» в качестве иллюстрации В. Л. Виноградовой даны фразы из «Слова»: «ночь стонуци ему грозою»; «вльци грозу всрожать».¹⁵

Приводим наиболее выразительные примеры из древнерусских памятников письменности: «*И бысть съча силна, яко посвѣтшеша молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и съча силна и страшна*» (ПВЛ. Лаврентьевская летопись, 1024 г.); «*За многы же дни мнози вльци при- текоша на место то, вьлоше грозно, непрестанно по вся ноци слышати*

¹⁴ Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968. С. 168.

¹⁵ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965. Вып. 1. С. 179.

гроза велика» (Сказание о Мамаевом побоище. Основная ред.); «...а иньи же людие в плькох, *ту слышав грозу*, паче укротеша» (Там же); «...от великия грозы древа преклоняются, трава постигается» (Сказание о Мамаевом побоище. Летописная ред.); «Подобно быть тогда *грозы* небесной, молния и страшный гром с небеси» (Повесть об Азовском сидении, XVII в.); «А за таким великим приходом той земли не бывает снегов, не знают дождя, *грозы* не видеть» (Сказание о роскошном житии и веселии, XVII в.).

Число примеров может быть увеличено, и позднее происхождение многих из них свидетельствует не в пользу конкретного, астрономического значения слова *гроза* в примере из «Слова».

В переводах и переложениях на современный русский язык слово *гроза* в разбираемом выражении сохранено за отсутствием адекватной лексемы и в большинстве из них употреблено в конкретном значении, не будучи подвергнуто историко-этимологическому анализу и не вызывая сомнений. Осязательность его значения — буря с громовыми ударами и блистанием молнии — выражена в переводах: «Ночь, стоня ему *грозою*, пробудила птиц» (Орлов); «Ночь, откликаясь ему [солнцу] *грозою*, пробудила птиц» (Келтуяла); «Ночь, стоня ему *грозою*, птиц разбудила» (Шамбинаго и Ржига); «Ночь, стонучи ему *грозою*, птиц разбудила» (Шервинский, Штурм); «Ночь *грозою* птиц перебудила» (Заболоцкий); «Ночь стонами *грозы* птиц перебудила» (Лихачев, Дмитриев, Творогов); «Ночь *громовыми стонами* птиц пробудила» (Шкляревский); «Ночь над ним *грозою* птиц пробудила» (Чернов) и др.

Но современные переводы выражения не могут быть возведены в степень доказательства вложенного автором «Слова» в лексему *гроза* значения в анализируемом тексте. Они должны быть оснащены убедительными доводами.

Слово *гроза* в обследуемой фразе долго оставалось незамеченным в литературе по «Слову» нашего столетия, очевидно, вследствие своей визуальной понятности.

Для В. П. Адриановой-Перетц описание грозовой ночи, предвестника поражения Игоревой рати — пейзаж со скрытым символическим значением. Подобное описание, но без символического оттенка, она видит в паремийном чтении о Борисе и Глебе, описывающем битву на фоне картины ночной грозы: «И бысть гром велик и тутън и дождь велик и мълния блистание», и в летописном описании битвы в 1024 г. при Листвене в Лаврентьевском списке: «И бывши ноши, бысть тма, молонья и гром и дождь... И бысть сеча силна, яко посветяша молонья, блестяшеться оружье и бе гроза велика».¹⁶

В пользу овецствления *грозы* склонялся А. Югов, говоривший о ропоте грозы, разбудившей чутких птиц.¹⁷

О. В. Твороговым был задан вопрос, что следует понимать под словом *гроза* — атмосферное явление или зловещее предзнаменование, и предложен перевод: «Ночь, стонами угрожая ему, разбудила птиц», не уточняющий характера явления.¹⁸

Не совсем ясно, что имеется в виду — реальная гроза, разразившаяся во время продвижения Игорева войска в половецкие степи, или гроза —

¹⁶ Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники... С. 75.

¹⁷ Слово о полку Игореве / Пер., коммент. и статьи Алексея Югова. М., 1970. С. 135.

¹⁸ Слово о полку Игореве / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и подгот. текста Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л., 1967. С. 481. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).

символ недоброго предзнаменования — для Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина.¹⁹

Более обстоятельное внимание значению слова *гроза* во фразе «нощь стонуци... грозою» в «Слове» уделено Э. Я. Гребневой в заметке «Гроза и ночь в „Слове...“».²⁰

Статья начинается ссылкой на слово *гроза* в славянских языках в значении *ужас, страх, трепет*. Исходя из этих значений в них слова *гроза*, Гребнева приходит к заключению, «что грозы в нашем современном понимании не было, а был *страх и ужас* и что *не гроза, а ночь (sic!)* переполошила птиц» (курсив мой. — Н. Д.). Прочтение слова *гроза* слито Гребневой с истолкованием слова *нощь* в контексте, подвергнутом мною анализу в начале статьи, к которому отсылаю читателя.

Как видим, в интерпретации слова *гроза* в словосочетании «нощь стонуци... грозою» происходит столкновение двух моментов: лексико-исторического, приписывающего словоформе *гроза* отвлеченное значение, и структурно-логического, ведущего к утверждению конкретного значения слова *гроза* в данном случае.

Хронологический, лексико-исторический тезис, находящий опору в более позднем возникновении конкретного значения слова *гроза* и отзвук в отсутствии конкретного его значения в других современных славянских языках, — сильный аргумент, пренебречь которым мы не вправе. Но в то же время не может не быть учтен и структурно-логический тезис, находящий союзника в озвученном облике фразы «Слова» «Нощь стонуци ему грозою...» со звучащим словом *стонуци* в концовке фразы.

Напрашивается вопрос: могла ли эфемерная, нереальная *гроза* — грозное предзнаменование с символическим значением — пробудить птиц? Пробудить их от ночного сна могла только овеществленная, материализованная *гроза* — природное атмосферное явление, воздействовавшее на птиц звуковыми и световыми эффектами, а не инстинктивно внушенными зловещими предчувствиями.

Не умаляя значения хронологического фактора при истолковании слова *гроза*, нельзя не выставить на вид и того, что при непосредственном восприятии фразы, не сопровождаемом привходящими соображениями, слово *гроза* впечатляет в преобладающей мере своим конкретным значением. Его отвлеченное значение всплывает, так сказать, на поверхность из подтекста, оставаясь скрытым при обычном чтении, не внушенном текстовым анализом. Дискуссионные разыскания смысла слова *гроза* в предшествующих строках действительны в аспекте историко-семантического анализа. Дифференцированное его восприятие не находит внешнего звукового различия, так как оба значения слова *гроза* облечены в одну и ту же звуковую оболочку, внешне не сигнализирующую о двойственности своего значения, усматриваемого лишь текстологами и невидимого простым глазом неискушенного в герменевтике читателя «Слова».

Своей необычностью смущает словоформа *птичь* — дополнение в винительном падеже множественного числа от слова *птица*. Такое соотно-

¹⁹ Слово о полку Игореве / Вступ. статьи Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева; Сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; Реконструкция древнерус. текста и коммент. Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина; Подгот. текстов и примеч. Л. А. Дмитриева. Л., 1985. С. 448. (Б-ка поэта. Большая серия. 3-е изд.).

²⁰ Гребнева Э. Я. К прочтению темных мест... С. 117.

сение вложено в нее и авторами 24 переводов «Слова» из просмотренных 27, начиная с перевода Шамбинаго (1912) и кончая новейшими.

В тексте «Слова» словоформа *птичь* — в винительном падеже множественного числа — единственна (8—9), не встречена она в других памятниках древней русской письменности в такой грамматической функции, но употребительна в других, а также — как имя прилагательное. Тексту «Слова» известны и другие случаи употребления форм винительного падежа множественного числа от слова *птица*, но только в обычной форме, с сохранением конечного *ц*: «пасеть *птиць*» (9); «Далече заиде соколь, *птиць* бия» (19—20); «высоко *птиць* възбиваеть» (27). В итоге сказанного словоформа *птичь* — винительный падеж множественного числа — превращается в грамматический *hарах* *legomena* в словаре древнего русского — общевосточнославянского языка. Образчики употребления словоформы *птичь* в различных падежах (за исключением винительного множественного числа) приведены в «Словаре-справочнике» В. Л. Виноградовой.²¹ *Птичь* в основной форме — утвержденная лексема языка русской — восточнославянской письменности. Ограничимся несколькими примерами: «...да некоторые же *птичь*, сѣд, осквернить верха». Флавий Полон. Иерус., 371 (XVI в. ~ нач. XII в.); «в неже бѣ *птичь*, акы голубь». Александрия, 79 (XV в. ~ XII в.); «*Птич* бо радуется веснѣ, а младенець матери». Слово Даниила Заточника (перед. ред. XII в., 41, XVII в. ~ XII в.); «и рече тебе гл(агол)ю ц(е)сарю *птичь*». Успенский сборник XII—XIII вв., 3г, с-7 и др.

Известно и имя прилагательное *птичь*: «И бысть глас велии *птичь*».²² Адъективность словоформы *птичь* здесь подтверждается словоформой *птичск* во фразе: «И бысть глас велик *птичск*» — в тексте Сказания в Забелинской редакции.²³

Исследователи текста «Слова» в подавляющем большинстве обошли вниманием словарный камень преткновения — словоформу *птичь*. О ее значении собирательности упомянул впервые в нашем столетии В. Я. Келтуяла, отметивший: «Птичь, вм. *птиць* — птица, здесь в смысле собирательном: *птиць*».²⁴ Собирательной считает словоформу *птичь* и Л. А. Булаховский, уделивший ей специальное внимание в статье «Функции чисел в „Слову о полку Игореве“».²⁵ Булаховский склонен думать, что словоформа *птичь* наличествовала и в других выражениях протографа «Слова» и заменила свое исконное конечное *ч* буквой *ц* под пером переписчиков под воздействием словоформ *птица* — *птиц*. Но это лишь не подтвержденная фактами языка гипотеза, привлекающая к тому же остающиеся донныне неизвестными побочные доказательства, касающиеся судьбы рукописи «Слова», затемненной мраком времени. Но исконность словоформы *птичь* в русском языке подтверждается ее наличием в таком древнерусском памятнике, как Успенский сборник конца XII—начала XIII в. (3г, 7).

Приписываемое словоформе *птичь* в обследуемом контексте значение собирательности выявлено и в ее звуковом оформлении, тождественном морфемной структуре слов типа *дичь*, *сволочь* и т. п. — несомненно кол-

²¹ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1973. Вып. 4. С. 218—219.

²² Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция // Повесть о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржиг, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 97.

²³ Сказание о Мамаевом побоище. По Забелинскому списку // Там же. С. 189.

²⁴ Слово о полку Игореве / Пер., примеч. и объяснит. статьи В. Я. Келтуяла. М.; Л., 1930. С. 42.

²⁵ Булаховский Л. А. Функции чисел в «Слове о полку Игореве» // Избр. труды. Киев, 1978. Т. 3. С. 520—521.

лективных, утверждающих и коллективную лексему *птичь*. И эту констатацию можно считать приемлемой и обоснованной. Затруднение, однако, вызывает подыскание словарного эквивалента в современной литературной русской лексике и в диалектах, в наибольшей степени адекватного словоформе подлинника, который оказался бы максимально оправданным по форме в словарной ткани переводов текста «Слова» и его переложений на современный русский язык. Отсутствие окончательной утвержденности заместителя словоформы *птичь* — *птиц* или *птах* наводит на мысль, могущую показаться излишне смелой и пресегающей приемы, освященные переводческой практикой: воспользоваться близкой по звучанию церковнославянской лексемой *птиць* или *птичиць*, совпадающей по облику с формой родительного-винительного падежа множественного числа. Наличие шипящих *ч* и *щ* сближает внешне эти словоформы с *птичь* текста «Слова о полку Игореве», а их корень — *пти-* зримо подсказывает их смысловое значение, относящее к слову *птица*.

Смысловое значение словоформы *убуди* — аориста в словосочетании «птичь *убуди*» в конце фразы не создало затруднений для подавляющего числа исследователей.

Наиболее близки к *убуди* текста «Слова» переводные словоформы *пробудила*, *разбудила*, *перебудила* с примыкающими к ним *пробудились*, *пробудился*, *будит*. Что касается переводов Тарловского, Шервинского, Югова, Косорукова и им подобных, то они по причине отдаленности от подлинника не могут быть сочтены приемлемыми.

Перед нами оценка наибольшей смысловой, грамматической и стилевой оправданности глаголов *пробудила*, *разбудила* и *перебудила*. Основное значение их тождественно, соблюдена и их грамматическая природа: все они — формы прошедшего совершенного, заместившего в историческом развитии русского языка древний аорист, передаваемый преимущественно приставочными глагольными формами. Замена древнерусского аориста *убуди* современной бесприставочной формой неосуществима, и поэтому префиксальные словоформы в данном контексте *пробудила*, *разбудила* и *перебудила* единственно возможны. Менее удачны переводные словоформы *пробудились*, *пробудился*, тождественные по значению с тремя предшествующими, но среднего залога, и *будит* — в форме настоящего времени, не совпадающего с аористом текста «Слова».

Сопоставительной оценке следует подвергнуть и семантические и стилистические оттенки приставок *про-*, *раз-* и *пере-*, в свете которой наиболее отчетливо будет выявлено первенствующее место одного из трех рассматриваемых глаголов.

Будучи полностью совпадающим по смыслу с глаголом *разбудила*, глагол *пробудила* разнится от него в данном контексте большей книжностью, переключаясь с архаичностью глагола *убуди*, внесенной в *пробудила* приставкой *про-*. Но эта книжность, уместная в переводе древнего поэтического текста, не лишает словоформу *пробудила* и ее действительности. Более обыденными и менее соответственными архаике «Слова» представляются словоформы с приставками *раз-* и *пере-*: *разбудила* и *перебудила*, уступающие свое стилистическое место глаголу *пробудила*.

Однако с приемлемостью глагола *убуди* в толкуемом месте «Слова» и, следовательно, его переводом *пробудила* (*разбудила*, *перебудила*) согласны не все комментаторы «Слова». Так, неудовлетворенность им высказал парижский исследователь «Слова» С. Н. Плаутин, переделавший *убуди* подлинника в *унуди*, объявивший *убуди* «поврежденным в оригинале» и

«порчей в тексте» (в каком?), ссылающийся на словоформы *пудити* и *распудити* — пугать, гнать, отгонять; разогнать, распугать в сербском языке, но не подкрепивший свой домысел другими доказательными доводами.²⁶ Пояснительную поправку в чтение Плаутина вносит Ф. Головенченко, цитирующий исправленное Плаутиным выражение: «Ночь, становясь ему грозным предостережением, угнала птиц» и коротко заключающий: «„Убуди“ — от „убудити“, разбудила, а не угнала». «Предложенная поправка, — продолжает он, — разрушает поэтический образ и поэтому должна быть отклонена».²⁷ Поправку *убуди* на *упуди* предлагает и А. Югов, приписывая ему значение *распугала, прибила, поразила*, наличное в древнерусском языке, и несколько патетически завершая: «А для чутких птиц ропот грозы — не слишком ли много, чтобы только их разбудить?!».²⁸

Сомнения комментаторов в уместности глагола *убуди* в обследуемом выражении «Слова» вызывают серьезные возражения.

Аналогичная словоформа — аорист *убуди (убудися)* встречается во фразе «Слова» «щекоть славии успе, говоръ галичь убуди» (*убуди ся*) (10) — в значении, противопоставляемом значению глагола *успе* — *уснул ~ пробудил, пробудился*, не вызывающем ни малейшего сомнения. Словоформы *оубудить, оубудит* видим и в Успенском сборнике (225а, 10): «нъ оубудити отъ мъртвыхъ», и в Пандектах Никона Черногорца 1296 г.: «и убудити съдѣща насъ и дрѣмлюща», отдаленных от времени возникновения «Слова» столетием. *Будити* находим и в тексте Ипатьевской летописи под 1151 г.: «Мьстиславъ же съ дружиною всѣдъ на кони и нача будити угры».²⁹ Найдутся эти словоформы, вероятно, и в других древнерусских памятниках. Все эти примеры полностью оправдывают нахождение глагола *убуди* в разбираемом выражении «Слова», хорошо укладывающегося в его общий контекст.

Приведенные словарные свидетельства, могущие быть расширенными, воочию приводят к заключению о правомерности присутствия глагола *убуди* в тексте «Слова» и снимают с него подозрения скептически относящихся к нему текстологов. Но изложенное — лишь половина доказательств, ожидающих рассмотрения глагола *упудити*, выдвигаемого текстологами-оппонентами.

Сосуществующий с *убудити* глагол *упудити* также общеславянского происхождения — **roditi*, нашедший фонетическую трансформацию в древнеболг. *пждити*, рус. диал. *пудить* — «пугать, гнать, турить»,³⁰ укр. *пудити* — «гнать», болг. *пѣдъ* — «прогонять, изгонять», сербохорв. *пудити* — «пугать, гнать, отгонять», чеш. *ruditi* — «гнать», польск. *pędzić* — «гнать» и т. п.

Примеры со словоформой *упуди (упудити)* в древнерусских текстах в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» не приведены. Взамен их значительное место в нем заняли примеры с глаголом *распудити* в различных формах (Вып. 5 и 6), начиная с Остромирова евангелия, одного корня с *убудити*. Ограниченная засвидетельствованность глагола *упудити* в памятниках древней письменности не умаляет его архаичности наряду с глаголом *убудити*. В итоге в древней русской письменности стали известны сосуществующие глаголы *убудити* и *упудити*, различающиеся лишь фонемами *д* и *п*, но с совершенно различным значением. В

²⁶ Плаутин С. Н. Слово о полку Игореве. С. 276—277.

²⁷ Головенченко Ф. М. «Слово о полку Игореве». С. 276—277.

²⁸ Слово о полку Игореве / Пер., коммент. и статьи Алексея Югова. С. 134—135.

²⁹ Ипатьевская летопись. ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. С. 442.

³⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. С. 535.

аспекте сомнений скептиков-текстологов возникает вопрос о признании закономерности употребления одного из них в тексте «Слова».

Умалчивая о позволительности подмены глагола *убуди* глаголом *унуди* как герменевтического приема, следуя которому сомнению может быть подвергнуто любое слово текста «Слова», мы должны поставить во главу угла соображение о засвидетельствованности словоформы *убуди* в единственно известном сейчас печатном издании «Слова» и в Екатеринбургской копии. Все привлеченное выше к доказательству ее смысловой приемлемости в словосочетании «птичь *убуди*» придает ей весомость и устойчивость, в то время как *унуди* выдвигается в качестве необоснованной грамматически гипотезы, продиктованной априорным замыслом. Но наиболее убедительными в толковании словоформы *убуди* (*унуди*) в разбираемом выражении оказываются фактологические данные, иллюстрирующие поведение птиц в ночных грозовых ситуациях.

Орнитологами установлено, что во время ночной грозы птицы, разбуженные громовыми ударами, принимают блистание молний за рассвет и откликаются ему щебетаньем, не покидая своих мест. Вспомним «воробьиные ночи» с непрерывным блеском молний, превращающих ночь в начало дня, оглашаемого кликами пернатых. Если бы они улетели, ближайшая окрестность не наполнилась бы их звуками и грозовые ночи не получили бы названия «воробьиных» в отсутствие птиц. В такой перспективе текстовые и языковые показатели смыкаются с орнитологическими, и написание слова *убуди* с буквой *д* первого издания и его значение *пробудила* находят поддержку в них в противоположность прочтению *унуди* с *н* и другим смысловым содержанием.

Привлеченные и прокомментированные материалы с вытекающими из них заключениями упрочивают вкладываемое в словоформу *убуди* значение *пробудила* и отстраняют предвзятые домыслы скептиков-комментаторов, не опирающиеся на факты языка и реальной действительности.